

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/1813-145X-2024-5-140-335
EDN: CTINYJ

«Ничейный П. П. Чистяков»: портрет провинциала в письмах и воспоминаниях современников

Анастасия Андреевна Сулова

Аспирант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
nastyua424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию личности выдающегося «всеобщего педагога русских художников» Павла Петровича Чистякова, основателя единственной в истории мирового изобразительного искусства художественно-педагогической системы идейного реализма. На сегодняшний день опубликовано множество научных трудов, посвященных исследованию его биографии, методам преподавания и феномену школы П. П. Чистякова. В данной статье впервые составлен портрет Чистякова – типичного «столичного провинциала»; рассмотрены периоды взросления в с. Пруды Тверской губернии, обучения в уездном училище города Бежецка и Академии художеств, а также становления педагога-художника Чистякова в период пенсионерских поездок и преподавания в Альма-матер через призму его провинциального происхождения. Стоит отметить, что сам Павел Петрович место рождения считал основополагающим для личности.

Материалом исследования стали письма Чистяков семье, ученикам, виднейшим культурным и художественным деятелям, записные книжки, воспоминания современников, собранные в книге Э. М. Белютиным и Н. М. Молевой «П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания». Родившись в провинции, Павел Петрович приобретает особую систему установок, которая в дальнейшем влияет на всю его жизнь. Переехав в столицу, демонстрирует комплексы провинциала, а путешествуя по Италии, Франции, Германии, стремится к воссозданию вокруг себя привычной русской провинции. Актуальность заключается в исследовании неизменно значимого феномена русской провинции. Результаты исследования будут полезны в проводимых в регионах разработках имиджа территорий, локальных брендов, установлении «гениев места».

Ключевые слова: русская провинция; провинциал; педагог; художник; П. П. Чистяков; чистяковцы; Тверская губерния; город Бежецк

Для цитирования: Сулова А. А. «Ничейный П. П. Чистяков»: портрет провинциала в письмах и воспоминаниях современников // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 5 (140). С. 335–342. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-5-140-335>. <https://elibrary.ru/CTINYJ>

Original article

«Nobody's P. P. Chistyakov»: the portrait of a provincial in letters and memoirs of contemporaries

Anastasia A. Suslova

Post-graduate student, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
nastyua424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Abstract. This article is devoted to the study of the personality of the outstanding «universal teacher of Russian artists» Pavel Petrovich Chistyakov, the founder of the only in the history of world fine arts artistic and pedagogical system of ideological realism. Today many scientific works have been published devoted to the study of his biography, teaching methods and the phenomenon of the P. P. Chistyakov school. This article is the first to paint a portrait of P. P. Chistyakov – a typical «capital provincial»; it considers the periods of growing up in the village of Prudy in the Tver region, studying at the district school of Bezhetsk and the Academy of Arts, as well as the formation of the teacher-artist P. P. Chistyakov during his retirement trips and teaching at his Alma Mater through the prism of his provincial origin. It is worth noting that Pavel Petrovich himself considered his place of birth to be fundamental to his personality.

The material for the study was letters of P. P. Chistyakov to his family, students, prominent cultural and artistic figures, notebooks, memories of contemporaries, collected in the book by E. M. Beliutin and N. M. Moleva

«P. P. Chistyakov. Letters, notebooks, memories». Having been born in the province, Pavel Petrovich acquires a special system of attitudes, which later influences his entire life. Moving to the capital, he demonstrates the complexes of a provincial, and traveling in Italy, France, Germany, strives to recreate around him the familiar Russian province. The relevance lies in the study of the invariably significant phenomenon of the Russian province and creative personality. The results of the study will be useful in connection with the development of the image of territories, local brands, and the establishment of «geniuses of place» in the regions.

Key words: russian province; teacher; artist; P. P. Chistyakov; Chistyakov's; Chistyakovites; Tver region; Bezhetk

For citation: Suslova A. A. «Nobody's P. P. Chistyakov»: the portrait of a provincial in letters and memoirs of contemporaries. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (5): 335-342 (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-5-140-335>. <https://elibrary.ru/CTINYJ>

Введение

На сегодняшний день существует множество научных трудов, посвященных исследованию биографии педагога, его профессиональному становлению, а также феномену школы П. П. Чистякова. Но малоизученной остаётся личность самого Павла Петровича. В данной статье, опираясь на переписку П. П. Чистякова с современниками, семьёй, его собственные заметки, мы попытаемся составить портрет провинциала в столице, а также проследить оказываемое влияние провинции на творческую личность. Павел Петрович в письме семье после отъезда в Санкт-Петербург напишет: «Я рос, постоянно восхищаясь природой и людьми» (из письма П. П. Чистякова – семье) [Чистяков, 1953, с. 19]. В заголовок статьи мы выносим категорию провинциального, что, как нам представляется, во многом повлияло на становление и мировосприятие художника.

Методология исследования

Основными методами исследования, помимо общенаучных, стали: историко-культурный и искусствоведческий методы, частично был востребован литературоведческий метод.

Результаты исследования

Фигура Павла Петровича Чистякова зачастую ассоциируется с созданной им художественно-педагогической системой идейного реализма. Почти за полвека преподавания в Академии художеств Павел Петрович Чистяков выстроил особую систему возвращения великих художников. Доказательством этого является Третьяковская галерея, где сегодня хранится множество работ учеников художника – В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, И. Э. Грабаря, Д. Н. Кардовского, В. В. Матэ, М. В. Нестерова, И. С. Остроухова, В. Д. Поленова, И. Е. Репина, А. П. Рябушкина, В. Е. Савинского, К. А. Савицкого, В. А. Серова, В. И. Сурикова.

Критик Владимир Васильевич Стасов ёмко назвал П. П. Чистякова «всеобщим педагогом всех художников». Большинство преподавателей направления реализма, представленных в Русском музее и Третьяковской галерее, принято именовать «чистяковцами». Значимость фигуры великого педагога осознавали его ученики, так Владимир Михайлович Фёдоров-Курганов напишет: «Почти вся реальная школа – Русский музей и Третьяковская галерея – ученики Чистякова. Вынесите их произведения оттуда и две богатейших сокровищницы русского искусства почти совсем опустеют...» [Чистяков, 1953, с. 480].

Русский провинциал в столице и за рубежом

«Где корни, там и душа. Родина, место, где проведены первые дни детства, — вот что родное и что всего дороже. Следовательно, корни трогать не следует» [Чистяков, 1953, с. 424]. Так напишет Павел Петрович Чистяков о Родине, о корнях.

О людях, окружавших художника в детстве, известно мало. Родители были выходцами из крепостных крестьян, а Павел Петрович (23.06.1832 г.р.) был одним из 13-ти детей. Начальное образование Павел Петрович получил в приходской школе в Красном Холме Тверской губернии, а после Пётр Никитич, отец П. П. Чистякова, отвёз сына в г. Бежецк для продолжения обучения в уездном училище. В 1848 году Павел Петрович окончил училище с отличием, а в качестве поощрения городскими властями было предложено продолжить обучение в тверской гимназии за казенный счёт, но Павел Петрович отказался, имея цель – поступить в Российскую Академию художеств. Денег у Павла Петровича на тот момент не было, поэтому пришлось пойти работать землемером, но так ничего и не нажив, взяв в долг у отца 17 с половиной рублей, семнадцатилетний Павел Петрович отправляется в столичный Санкт-Петербург, где его зачисляют вольно поступающим.

щим учеником в Академию художеств. После отъезда Павла Петровича ничего не известно о том, навещал ли он в дальнейшем малую родину, известно обратное: по воспоминаниям Ольги Форш (художница, писательница, друг семьи Чистяковых) в доме Чистякова и его супруги В. Е. Мейер «всегда жили бесчисленные тверские родственники. Хозяйство под чутким руководством Веры Егоровны вела сестра художника – Аграфена Петровна, или, как ее называли баба Ду; компанию ей составляла еще одна сестра – Юлия Петровна» [Чистяков]. В каждом письме семье на малую родину Чистяков демонстрирует особое тёплое отношение к старшим и «своим», заинтересованность в делах знакомых горожан (например, он часто спрашивается о делах Аннушки Бежецкой, своего брата и т. п.), но чаще всего Павел Петрович обращается к матери – Анне Павловне.

О роли матери, «корнях», детстве и окружающей среде напишет в статье искусствовед и научный сотрудник Русского музея Е. Б. Чурилова, которая организовала выезд на малую родину художника: «...натура живая (Анна Павловна) ... передала сыну любовь и понимание народной песни. Современники Чистякова отмечали в нем не только тверской выговор на «о», но и, видимо, унаследованную от матери яркую образность речи и меткость характеристик» [Чурилова]. В переписке с учениками, в работе в Академии Павел Петрович не стеснялся их использовать, например, «чемоданисто», а также парадоксы: меткое – «и верно, да скверно!», назидательное – «чем ближе к натуре, тем лучше, а как точь-в-точь – так нехорошо» или хлесткое – «и правда, кричащая не на месте, – дура!» [Чурилова].

В селе Пруды образование получать было нелегко, детей пытался учить пономарь, но и тот, по воспоминаниям художника, оказался бессилён перед мальчиком, увлечённым церковными образами («На Ильи-пророка все смотрел, образ отличный висел. Так, из-за Ильи-пророка азбуку и не выучил» – воспоминания П. П. Чистякова). После окончания приходской школы в Красном Холме Павел Петрович продолжает обучение в уездном училище г. Бежецка в 55-ти км от дома.

По воспоминаниям Павла Петровича, в уездном училище он впервые начинает пробовать себя в рисовании, которое его поглотило. Преподавал Павлу Петровичу выпускник Академии художеств Иван Алексеевич Пылаев. Это и определило его дальнейший путь. П. П. Чистяков окончил

училище в 1848 году с отличием, «был записан на золотой доске», и городские власти решили определить его на казенный счет в тверскую гимназию, но юноша заявил, что «если его не отдадут учиться в Академию художеств в Петербурге, он умрет». Павел Чистяков вспоминал своё бежецкое отрочество с удовольствием и позднее в знак благодарности написал несколько икон для местных храмов [Цыганков, 2021, с. 49].

На тот момент столичный Санкт-Петербург показался приехавшему восемнадцатилетнему провинциалу чужеродным, большим и подавляющим. П. П. Чистяков так описывает Санкт-Петербург: «...чудный, многолюдный, веселый Петербург не заменит мне Вас и меня не переменит, я каков есть, таким и выйду отовсюду, не унося ничего чужого не только худого, но даже и порядочного, я не виноват, если у меня такой самостоятельный характер – упрямый характер. Мне все кажется понятно, хотя и трудно, я как будто бы все могу сделать; заимствую прямо от природы и потому мои собственные, ни от кого не заимствованные суждения товарищи называют натуральными...» (из письма П. П. Чистякова – семье, 1850 г., Санкт-Петербург) [Чистяков, 1953, с. 17].

Особое отношение к природе, по словам художника, присутствовало и крепло в нём с детства: «...я счастлив, счастлив тем, что полюбил с детства природу более, чем дела и сокровища людей; счастлив тем, что полюбил самое высокое и самое прочное на земле» (из письма П. П. Чистякова — семье, 1863, Рим) [Чистяков, 1953, с. 32].

Провинциальное воспитание, где первым учителем был пономарь, а местом проведения досуга – церковь, оставило свой след и в отношении Павла Петровича к религии. Так, набожный и аскетичный П. П. Чистяков в каждом письме упоминает бога: просит о чём-то или благодарит его, из некоторых писем мы можем узнать, что значимые события Павел Петрович проживает в том числе и в церкви (например, вследствие победы на море в ходе Крымской войны в церквях Санкт-Петербурга служили молебны, на которых Чистяков присутствовал [Чистяков, 1953, с. 17–23]).

В 1861 году Павел Петрович закончит грандиозную работу «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежащий некогда Дмитрию Донскому», за которую он получит Большую золотую медаль. Таким образом, Чистяков стал пен-

сионером Академии художеств, получив право на пенсионерскую поездку, все расходы на содержание художника за границей берёт на себя Академия. В пенсионерской поездке Павел Петрович посетил Германию, Францию и Италию, в воспоминаниях и письмах художника отзывы о посещённых им местах часто негативны и формируются из сравнения Родины и других стран, «своего» и «чужого». Например, «Пруссия поразила меня чистотой и опрятностью, два первых вокзала в готическом стиле, *остальные до самого Берлина в стиле наших хлебов, где стоят свиньи* (здесь и далее курсив автора статьи). В самом Берлине вокзал превзошел все ожидания. Это что-то вроде подлой *грязной бойни быков*. Берлин город хорош, только дома все будто из картона... окна без углублений и наличников. Он тем хорош, что тесен не как наш Петербург. *Итальянки красивы, даже очень красивы и больше ничего, их очи темнее ночи... в них темно и, вероятно, пусто*» [Чистяков, 1953, с. 24–56].

Некогда чужой для Павла Петровича столичный Санкт-Петербург начинает вызывать тоску в поездке по чужим землям – «в Петербурге всё красивее и лучше», а для каждого посещённого города у художника находится меткая характеристика («*Мюнхен – мифологический град с грязными пыльными улицами, Кёнигсберг окутан подлой сыростью, центр Вены так тесен, что и представить трудно*» – из письма П. П. Чистякова товарищам, Париж, январь 1863 [Чистяков, 1953, с. 25]).

Провинциалу Чистякову полностью по душе пришёлся Париж, важно отметить, что это связано с ощущением «своего» / родного, которое возникло у художника, читаем в письме товарищам от января 1863: «...на *французской границе мы заплясали от радости, что-то родное повеяло на душу, и язык французский звучит как-то более по душе русского, уже про народ и не говорю, особенно на первый взгляд*», или в этом же письме: «*Париж превосходит все города, вечером и Петербург против него тьма*». [Чистяков, 1953, с. 24–26]. Испытывая скуку в Европе, провинциал стремится устроить там русскую провинцию – будь то обучение прислуги русскому языку или нахождение черт провинциальности в любом из посещённых городов. Скука провинциального бытия – чувство, которое преследовало Чистякова в Европе, на малой родине, и в столице.

Менталитет русского провинциала, по мнению Т. С. Злотниковой, воплощает глубоко про-

тиворечивые духовные основы жизни России вообще: страх перед замкнутостью и интуитивную тягу к сохранению «гнезда»; стремление к «другим берегам» («к перемене мест») и страсть к превращению любой чужбины в повторение усадьбы, улицы, дома; достоинство и самоуничтожение, размах и мелочность; «чухлому», разросшуюся до масштабов всей России, включая столицы, и высоту духа, традиционно ожидаемую только от столичных жителей [Злотникова, 2017, с. 320].

Павел Петрович постоянно сравнивает заграничную с родиной, и в таком сравнении «чужая» земля чаще проигрывает, иной, позитивный, облик имеют только крупные города вроде Берлина или Парижа, особо впечатлившего художника. Позже Павел Петрович подытожит, что «*для художника нет лучше Италии и Рима*» [Чистяков, 1953, с. 35].

Провинциал и его «неумение жить в среде»

Павел Петрович Чистяков не прижился не только в заграничной географической среде, но и в российской образовательной среде. Он не старался подстроиться под окружающих, из воспоминаний ученика Павла Петровича, художника-баталиста Н. С. Самокиш: «Небольшого роста, худощав, с волосами, подстриженными, как их носят крестьяне, с небольшой бородкой и умными пронизательными глазами. Весьма скромно одет и без малейшей претензии на позировку» [Чистяков]. Провинциальное «неумение жить в среде» (писал о себе в заметках педагога-художника) проявит себя, как только Павел Петрович начнёт обучение в Академии художеств: для профессоров он был ничего не смыслящим провинциалом, окончившим лишь духовное училище, а сам Чистяков не принимал заскорузлую систему постоянного копирования известных шедевров мастеров.

В письмах Павел Петрович не единожды ссылается на свой непримиримый и упрямый характер, который не только помогал, но и мешал художнику: «...не могу работать, угождая вкусу других, так, чтобы во время производства дело казалось хорошим, жертвую самолюбием, похвалами...» (из письма П. П. Чистякова – семье, 1850 г., Санкт-Петербург)» [Чистяков, 1953, с. 17].

Павел Петрович – провинциал, попавший в столицу, чужеродную среду. По мнению И. С. Андриановой, провинциал – это витально сильный человек, с огромным потенциалом деятельности энергетика; его цель – любой ценой

пробиться. Его самосознание обусловлено не его социальным статусом и не личными достоинствами, а мерой достигнутого в результате личных усилий, оборотистости [Андрианова, 2017].

Обучаясь в Академии, Павел Петрович постоянно соперничал с другими учениками, стремясь превзойти их в мастерстве, получить признание его таланта от педагогов. Об этом он напишет в письме семье от 3 декабря 1853 года, где укажет, что оценивали работы двух учеников, имевших золотые медали – *«они все получили (места) ниже меня»*. Павел Петрович остро ощущал свою инаковость, одиночество, а чувство недооценённости часто граничило с провинциальным высокомерием: *«теперь я знаю свою болезнь ... это было не что иное, как уныние от обижаемого самолюбия, или иначе – от неправильной оценки моих достоинств ... Теперь я здоров, груди не тяжело; потому что два месяца кряду я оценен справедливо и профессорами и (что очень редко бывает) товарищами»* » (из письма П. П. Чистякова – семье. 3 декабря 1853 г.) [Чистяков, 1953, с. 19]. Провинциальный комплекс неполноценности, формирующийся, как показал А. Адлер, на основе нереализованного стремления к превосходству, порождает в личности ощущение собственной ущербности. Характеризуя этот комплекс, Адлер отмечает, что он *«представляет собой патологическое чувство, обязательно требующее легкой компенсации и особого удовлетворения и в то же время, препятствующее достижению успеха, увеличивая барьеры, уменьшая при этом резервы мужества»* [Чистяков, 1953, с. 134]. Реакцией на уязвлённое провинциальное самолюбие была разгромная критика тех, кто одерживал верх над Чистяковым, что, по мнению самого художника, было незаслуженно: *«бывало, сделаешь рисунок во всю мочь... лучше всех... другой же, пошляк, казенный талантишка, сведёт концы с концами, отшлифует всё одинаково ровно... Скверно и худо, кажется, – медаль»* (из письма Чистякова – семье, 3 декабря 1853 г.) [Чистяков, 1953, с. 55]. Чистяков считал, что копировать действительность нельзя, это убивает искусство. *«Искусство полное, совершенное искусство не есть мертвая копия с природы, нет, [искусство] есть продукт души, духа человеческого, искусство суть те стороны человека, которыми он стоит выше всего на земле»* [Чистяков, 1953, с. 58].

По завершении обучения Павел Петрович стал педагогом Академии художеств. Он не признавал руководство Академии, считая, что «там

(в Академии), оказывается, вор на воре и дрянь на дряни. Такая дрянь, что один даже и удавился... По его милости мы сидим здесь без денег» (из письма Чистякова – К. Т. Солдатенкову, Рим, апрель 1866 г.) [Чистяков, 1953, с. 43]. Павел Петрович предпочитал не вступать в диалог с руководством, в неизбежных случаях в письмах к Академии использовал оправдательно-обвиняющий тон, например, в письме из Рима от декабря 1866 г. читаем: *«...просил денег и именно тех, которые я по своей оплошности недополучил... ответа на мою просьбу не было»* [Чистяков, 1953, с. 43]. Часто о деньгах говорит пренебрежительно: *«...ах, бог мой, заработки, как это противно для меня»* [Чистяков, 1953, с. 50], лукавя, что деньги не имеют для него значения, но при этом часто даёт характеристику людям по их финансовому положению, например, К. Т. Солдатенков – богач и хороший москвич.

Показательным в вопросе отношения руководства Академии к Павлу Петровичу было его двадцатилетнее преподавание в качестве адъюнкт-профессора. В дальнейшем руководство Академии жёстко укажет на невозможность преподавания из-за отсутствия звания профессора. В 1880 году Чистяков напишет заявление в Совет Академии художеств, в котором читаем следующее: *«...к сожалению, положение, в котором находится профессор Академии художеств, не позволяет вполне заниматься искусством ради искусства и вынуждает искать работу на стороне по заказу от публики или давать уроки»* [Чистяков, 1953, с. 103].

Павел Петрович давал частные уроки. Первый совет, который вывел Чистяков для своих учеников: *«Чтобы найти себя, будьте искренни. Покрепче стучитесь в дно души своей – там чудный родник, в нем таится творчество...»* [Чистяков, 1953, с. 425], а чтобы *«нажить»* душу, нужно было постоянно учиться.

«Чистяковцы» терпели колючий характер своего учителя и сносили едкие замечания в свой адрес, потому что были уверены в исключительности своего наставника, по словам В. Д. Поленова, он начал обучение в студии у Чистякова, так как *«там (в Академии) наставников таких (как П. П. Чистяков) нет, а профессора и наставники на обучение странно смотрят»* [Чистяков, 1953, с. 63]. Павел Петрович, по словам учеников, умел правильно критиковать, у педагога была способность найти ёмкие слова. Сам Чистяков считал, что критика мазни есть медицинский целитель искусства. Павел Петро-

вич Чистяков, обладавший педагогическим талантом, оказался чужаком в профессорской среде: в Академии не нашли поддержки идеи Чистякова о реформах в системе преподавания. Позже эффективность чистяковского подхода продемонстрируют его ученики – Репин, Суриков, Врубель, Васнецов, Нестеров, Поленов. Принципы, введённые в академическую систему Чистяковым в XIX веке, сегодня являются её неотъемлемой частью.

Идеалами для Чистякова становятся художники-мыслители, которые стремятся выразить лучшее в человеке и лучшее, что он может найти во Вселенной, и художники-учёные, которые обладают знаниями и техникой рисования («Талант бог даст, а законы лежат в натуре» [Чистяков, 1953, с. 320], — писал в своих заметках Чистяков). По его словам, реализм – это не запечатление действительности, а передача лишь характерных её явлений. Гениальность для Чистякова – не дарование, а постоянная работа над собой, совершение усилий к постижению нового и наблюдение окружающего. «Остаётся желать, чтобы художник больше трудился и меньше следовал примеру» [Чистяков, 1953, с. 32], – читаем в письме из Рима Чистякова – семье. Художник очень ценил талант, но повторял: «Начинать надо по таланту и кончать по таланту, а в середине работать тупо».

По мнению Павла Петровича, «главное достоинство ученика — это есть внимательность, правота, наблюдательность и, значит, глубокое изучение природы, что впоследствии будет полезно...» (из письма Чистякова – семье, 11 мая [1854], Петербург) [Чистяков, 1953, с. 21]. В соперничестве Поленова и Репина за золотую медаль Павел Петрович обращал внимание последнего на то, чтобы тот не увлекался кем-то, а был верен только себе. Педагог-художник ценил не только внимательность, самобытность, но и практичность, потому как жизнь художника полна лишений; из письма Чистякова – В. Е. Мейер: «...не ожидал от Вас такой практичности. Люблю таких людей» [Чистяков, 1953, с. 39].

Для провинциала Чистякова, который в столице ощущал себя изгоем, человеком с недостаточной степенью признания, испытывающим постоянную скуку, усталость и одиночество, парадоксальным становится самоощущение уникальности под гнётом жизненных неурядиц (абсолютная нищета, периодически возникающие проблемы со здоровьем, конфронтация с руко-

водством и педагогическим составом Академии художеств).

Заключение

Провинциал П. П. Чистяков сочетал в себе разнополюсные ощущения неполноценности и гордости за место своего происхождения, свой род. В столице художник-педагог чувствует себя угнетённо. Несмотря на неустанное трудолюбие, присутствуют строгая критика, недооценённость по отношению к себе, чувство вины, страх непризнанности и возможного изгнания из культурных кругов. Сравнивая себя с другими (однокурсниками, профессорским составом), он ставил себя выше других, но не выдерживал конкуренции, неприязнь к академическому кругу становилась защитным механизмом. Иронично Чистяков называл себя «ничьим», не только по причине выработки собственной системы обучения молодых художников, но и по причине его несложившихся взаимных отношений со столичным городом, коллегами.

Павел Петрович считал место рождения основополагающим для личности, об этом читаем у него следующее: «Земной шар, люди на нем завелись в разных пунктах и широтах, и где они начали жить, в какой обстановке, такими и образовались» [Чистяков, 1953, с. 424]. Провинция для Павла Петровича была не только местом его рождения, но и особой системой координат, которая продолжала влиять на педагога-художника всю жизнь, жил он в столице или совершал пенсионерские поездки – это постоянное стремление расширить локус и одновременно воссоздать в этом расширенном «свое», хорошо знакомое пространство, страх замкнутого и желание оградиться от всего внешнего и «чужого», провинциальная широта и мелочность. Провинция (с. Пруды, г. Бежецк), где вырос, учился художник, были ему понятны, знакомы, безопасны, органичны, иными словами, провинция с её маркерами (замкнутость, пустотность, нетерпимость к чужому и чужим, конкуренция со столицей) вырастила П. П. Чистякова, позже он назовёт всё своё внутреннее и провинциальное «неумением жить в среде».

Библиографический список

1. Александров В. Б. Архетипы провинциального сознания как проблема информационной политики // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113). С. 143-150 / DOI 10.22394/1726-1139-2018-5-143-151
2. Андрианова И. С. «Друг писателей» М. А. Языков и Ф. М. Достоевский: взаимоотношения в письмах, атрибуция, комментарий // Неизвестный Досто-

евский. 2017. № 2. С. 23–58. URL: https://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1501230224.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

3. Белютин Э. П. П. Чистяков – теоретик и педагог / Э. М. Белютин, Н. М. Молева. Москва : Изд-во Акад. художеств СССР, 1953. 229 с.

4. Врубель М. А. Переписка. Воспоминания о художнике. Ленинград : Искусство, 1976. 383 с.

5. Гинзбург И. В. П. П. Чистяков и его педагогическая система. Ленинград ; Москва : Искусство, 1940. 202 с.

6. Густякова Д. Ю. Модель культуры русской провинции: социокультурное исследование в имперсональном и персональном дискурсах / Д. Ю. Густякова, Е. А. Шахова // Ярославский педагогический вестник, 2013. № 3, Т. 1. С. 225–229.

7. Злотникова Т. С. Философия творческой личности : монография. Москва : Согласие, 2017. С. 915. ISBN 978-5-906709-74-5.

8. Иванов Г. В. Знаменитые и известные бежечане. Вып. 2. 2003 (ООО Полиграфсервис XXI век). 279 с. ISBN 5-94310-005-9. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002363749> (дата обращения: 05.08.2024).

9. Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри : монография. Пенза : [б. и.], 2004. С. 439. ISBN 5-93-434-065-4.

10. Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения : учебное пособие / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, М. В. Новикова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. 144 с.

11. Ляковская О. А. П. П. Чистяков. Москва : Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1950. 64 с.

12. Молева Н. Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века / Н. Молева, Э. Белютин. Москва : Искусство, 1967. 564 с.

13. Оленин А. Н. Избранные труды по истории и деятельности Императорской Академии художеств / сост., вступ. ст. и прим. Н. С. Беляев ; науч. ред. Г. В. Бахарева. Санкт-Петербург, 2010. 141 с.

14. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры / Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина, Л. П. Киященко, Т. И. Ерохина // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 126–136.

15. Савинов А. М. Система преподавания П. П. Чистякова как пример профессиональной деятельности художника-педагога // Педагогика искусства. 2010. № 3. С. 114–120.

16. Цыганков А. И. Путеводитель по дому-музею П. П. Чистякова // Экология и развитие общества. 2021. № 4(37). С. 54–57.

17. Чистяков П. П. Письма, записные книжки, воспоминания / мат. подгот. к печати и прим. Э. Белютиным и Н. Молевой. Москва : Искусство, 1953. 590 с.

18. Чурилова Е. Б. На малой родине П. П. Чистякова. URL: [https://selskaya-](https://selskaya-nov.info/articles/media/2017/5/29/na-maloy-rodine-p-p-chistyakova/)

[nov.info/articles/media/2017/5/29/na-maloy-rodine-p-p-chistyakova/](https://selskaya-nov.info/articles/media/2017/5/29/na-maloy-rodine-p-p-chistyakova/) (дата обращения: 05.08.2024).

19. Чурилова Е. Б. Я еще могу съездить к Чистякову. (П. П. Чистяков в Царском Селе). Санкт-Петербург, 2004. С. 136. ISBN: 5-86761-054-3.

20. Чурилова Е. Б. «...Прочеть ... припоминая». П. П. Чистяков в Царском селе. Санкт-Петербург : Серебряный век, 2007. 312 с.

Reference list

1. Aleksandrov V. B. Arhetipy provincial'nogo soznaniya kak problema informacionnoj politiki = Archetypes of provincial consciousness as a problem of information policy // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2018. № 5 (113). S. 143-150 / DOI 10.22394/1726-1139-2018-5-143-151

2. Andrianova I. S. «Drug pisatelej» M. A. Jazykov i F. M. Dostoevskij: vzaimootnosheniya v pis'mah, atribucija, kommentarij = «Friend of Writers» M. A. Jazykov and F. M. Dostoevsky: relationships in letters, attribution, commentary // Neizvestnyj Dostoevskij. 2017. № 2. S. 23–58. URL: https://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1501230224.pdf (data obrashhenija: 05.08.2024).

3. Beljutin Je. P. P. Chistjakov – teoretik i pedagog = Chistyakov – theorist and teacher / Je. M. Beljutin, N. M. Moleva. Moskva : Izd-vo Akad. hudozhestv SSSR, 1953. 229 s.

4. Vrubeľ M. A. Perepiska. Vospominaniya o hudozhnike = Correspondence. Memories of the artist. Leningrad : Iskusstvo, 1976. 383 s.

5. Ginzburg I. V. P. P. Chistjakov i ego pedagogicheskaja sistema = P. P. Chistyakov and his pedagogical system. Leningrad ; Moskva : Iskusstvo, 1940. 202 s.

6. Gustjakova D. Ju. Model' kul'tury russoj provincii: sociokul'turnoe issledovanie v impersonal'nom i personal'nom diskursah = Model of russian provincial culture: sociocultural research in impersonal and personal discourses / D. Ju. Gustjakova, E. A. Shahova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik, 2013. № 3, Т. 1. С. 225–229.

7. Zlotnikova T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of creative personality : monografija. Moskva : Soglasie, 2017. S. 915. ISBN 978-5-906709-74-5.

8. Ivanov G. V. Znamenitye i izvestnye bezhechane = Famous and well-known Bezhetsk citizens. Vyp. 2. 2003 (ООО Полиграфсервис XXI век). 279 s. ISBN 5-94310-005-9. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002363749> (data obrashhenija: 05.08.2024).

9. Injushkin N. M. Provincial'naja kul'tura: vzgljad iznutri = Provincial culture: an inside look : monografija. Penza : [b. i.], 2004. S. 439. ISBN 5-93-434-065-4.

10. Lichnost' v sovremennoj russoj kul'ture: strategii sociokul'turnogo izuchenija = Personality in modern Russian culture: strategies for sociocultural study : uchebnoe posobie / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, M. V. Novikova. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2009. 144 s.

11. Ljaskovskaja O. A. P. P. Chistjakov = P. P. Chistyakov. Moskva : Izd-vo Gos. Tret'jakovskoj galerei, 1950. 64 s.

12. Moleva N. Russkaja hudozhestvennaja shkola vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka = Russian art school of the second half of the XIX – early XX century / N. Moleva, Je. Beljutin. Moskva : Iskusstvo, 1967. 564 s.
13. Olenin A. N. Izbrannye trudy po istorii i dejatel'nosti Imperatorskoj Akademii hudozhestv = Selected works on the history and activities of the Imperial Academy of Arts / sost., vstup. st. i prim. N. S. Beljaev ; nauch. red. G. V. Bahareva. Sankt-Peterburg, 2010. 141 s.
14. Russkaja provincija v filosofskom diskurse: konceptualizacija metafory = Russian province in philosophical discourse: conceptualizing metaphor / T. S. Zlotnikova, N. N. Letina, L. P. Kijashhenko, T. I. Erohina // Voprosy filosofii. 2014. № 11. S. 126–136.
15. Savinov A. M. Sistema prepodavanija P. P. Chistjakova kak primer professional'noj dejatel'nosti hudozhnika-pedagoga = The teaching system of P. P. Chistyakov as an example of the professional activity of an artist-teacher // Pedagogika iskusstva. 2010. № 3. S. 114–120.
16. Cygankov A. I. Putevoditel' po domu-muzeju P. P. Chistjakova = Guide to the house-museum of P. P. Chistyakov // Jekologija i razvitie obshhestva. 2021. № 4(37). S. 54–57.
17. Chistjakov P. P. Pis'ma, zapisnye knizhki, vospominanija = Letters, notebooks, memories / podgot. k pečati i prim. Je. Beljutinym i N. Molevoj. Moskva : Iskusstvo, 1953. 590 s.
18. Churilova E. B. Na maloj rodine P. P. Chistjakova = In the small homeland of P. P. Chistyakov. URL: <https://selskaya-nov.info/articles/media/2017/5/29/na-maloj-rodine-p-p-chistyakova/> (data obrashhenija: 05.08.2024).
19. Churilova E. B. Ja eshhe mogu sjezdit' k Chistjakovu. (P. P. Chistjakov v Carskom Sele) = I can still go to Chistyakov. (P. P. Chistyakov in Tsarskoye Selo). Sankt-Peterburg, 2004. S. 136. ISBN: 5-86761-054-3.
20. Churilova E. B. «...Prochest' ... pripominaja». P. P. Chistjakov v Carskom sele = «... Read... remembering». P. P. Chistyakov in Tsarskoye Selo. Sankt-Peterburg : Serebrjanyj vek, 2007. 312 s.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 21.07.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 19.09.2024.